

Ginker T., Yanovskiy M., Zhavoronkov S.,

Join a rebel "bandits": Are the time for Runnymede passes? Notes on endogenous generation of political competition

Возникает ли окно возможностей у холопов при драке

панов? Попытка формализованного описания процесса становления конституционно ограниченной власти при балансе сил конкурирующих за власть "бандитов"

Первая версия опубликована в "Общественные науки и современность" №2, 2011, сс. 77-86

В человеческой истории нередки примеры затяжных гражданских (междоусобных) войн и конфликтов коалиций stationary and roving bandits¹ в которых ни одна сторона не может добиться безоговорочной победы (пример – войны Алой и Белой розы в Англии).

В нашем докладе "Democracy: a Conflict Extinguisher or a Fuel for Terror?" 2006 г.² были описаны некоторые современные случаи борьбы таких коалиций за территорию. Там же было упомянуто как возможный частный случай – равновесие сил, патовая ситуация. Ниже мы подробнее остановимся на этом случае. Он интересен тем, что из подобных противостояний в ряде стран Европы выросли в свое время институты, заложившие фундамент современных правовых демократий.

Попытки определения демократии и маршрутов ее становления

Согласно определению Роберта Даля [Dahl, 2000] демократия - это способ правления, характеризующийся следующими признаками: всеобщее «эффективное» участие, «понимание», основанное на информированности, осуществление контроля за повесткой дня и «включенность в жизнь общества» Это сложное и плохоформализуемое понятие, при этом чрезвычайно

¹ М.Олсон [Olson, 2000] ввел термины "бродячего" и стационарного бандита" для описания простых моделей поведения лидера, чья власть основана на насилии. Постоянно контролирующей территорию насильник ("стационарный бандит") имеет стимул максимизировать долгосрочный сбор податей. Совершающий набег "бродячий бандит" имеет стимул отнимать все, что найдет.

² See updated version at SSRN: Yanovskiy, Zhavoronkov, Zatskovetsky, 2014

популярное в Западных странах среди ученых – гуманитариев и государственных служащих.

Чарльз Тилли [Tilly, 2007³] пользуется аналогичным подходом для определения (перечислением признаков – требований). Тилли ссылается на организацию, много лет занимающуюся мониторингом политических режимов – Freedom House. Для того, чтобы определить политическую систему страны как демократию эксперты организации пытаются установить наличие в стране⁴: партийно-политической конкуренции, всеобщего избирательного права для всех взрослых граждан, регулярно проводимых выборов, доступа основных партий к СМИ.

Следует заметить, что требование «Всеобщего избирательного права для всех взрослых граждан» имеет очевидное, но сомнительное обоснование. Наиболее продолжительные периоды демократического развития и почти вся демократическая традиция, начиная с античности, оказывается как бы отсеченной от понятия "демократия". То есть демократия, если последовательно применять этот подход, не имеет, как полагали, к примеру, отцы-основатели США античных корней. Да и сами отцы-основатели оказались бы "отлученными от демократии".

Р.Даль, правда, соглашается с тем, что демократия – понятие исторически обусловленное (соответственно признает США и Великобританию XIX века странами относительно демократическими), однако восходящее к своим высшим формам для которых уже действительно обязательно и всеобщее право голоса для всех взрослых жителей страны и, что существенно, разделенность центров власти, распределенность власти – «полиархичность».

Даль также отмечает, что демократия складывается при определенных условиях и задается вопросом о том, каковы эти условия. Он высказывает гипотезу, что исторической предпосылкой демократии является раскол элиты, создающий у "бандитов" «привычку к поиску взаимных гарантий» [Dahl, ...

³ Сс.16 – 18

⁴ <http://www.freedomhouse.org/>

1972]⁵. Автор утверждает, что этот эволюционный путь закрыт для современных государств. Хотя и замечает, что меньшие возможности для власти физически уничтожить оппозицию стимулируют вынужденную терпимость к таковой.

Даль также утверждает, что отношения собственности не играют роли. При том, что основатели и защитники старых правовых демократий (Нидерланды, Великобритания, США⁶ и т.д.) были, как правило, людьми среднего или высокого достатка, заинтересованными в защите собственности. Вопросы собственности (опасение в намерении короля нарушить соглашение с генералами Кромвеля о реставрации и о защите и признании прав собственности) играли важную роль и в Славной революции.

Даль не отрицает, но недооценивает, почти игнорирует, на наш взгляд, роль насилия в становлении первых правовых демократий. Тилли же напрямую указывает насилие как источник мешающего демократическому продвижению «категориального неравенства».

Схожей точки зрения придерживается и Roger D. Congleton (2011). Он утверждает, что основные изменения, которые привели к становлению современных демократий, были эволюционными. Соответственно он считает, что нет значимой связи этих изменений с революциями и войнами. Правда он не отрицает роли элиты в становлении ограничений самовластия правителя ("King-and-council template").

Между тем, становление многих первых правовых демократий сопровождалось либо национальными войнами (за независимость), либо гражданскими войнами. Постреволюционная Франция к тому же воевала за гегемонию в Европе.

Проблемы отсутствия национального консенсуса по базовым ценностям решались депортациями или массовой эмиграцией проигравших, не

⁵ p.38

⁶ См. к примеру «Федералист» и недвусмысленную позицию в отношении защиты собственности его авторов - №№10, 51,52 и оценку ситуации левым историком Бирдом (Beard, 1962) и его оппонентом (McDonald, 1958). Того же мнения придерживается историк Р.Пайпс (чьи прогнозы в отличие от большинства его коллег имели обыкновение сбываться) – см. Пайпс, 2000, сс.49-59; 197-200.

говоря уже о смерти в результате самой войны (католики в Нидерландах, католики и монархисты в Англии, лоялисты в США).

Douglas North полагает, что даже техническая (военно-техническая) эволюция в Европе способствовала формированию новых институтов. Удорожание армий требовало непосильных для многих дворов расходов и обусловило «продажу» прав и привилегий представителям состоятельных граждан. Таким образом, новые военные технологии привели к становлению первых парламентов [North, 2005 pp. 131-132].

North специально фокусируется на роли и проблеме насилия в работе о насилии и социальном устройстве [North, Wallis, Weingast, 2009]. В ней он представляет модель, согласно которой государство консолидируется как динамичная в долгосрочном периоде коалиция сильнейших игроков (военных лидеров, полевых командиров) для извлечения ренты. Затем под давлением угрозы революции со стороны неимущих правящая коалиция идет на уступки, закрепляя конституционно демократический порядок формирования правительства (такая модель перехода к демократии была описана впервые Асемоглу и Робертсоном, [Acemogly, Robertson 2006]).

В этой работе Норт очевидно исходит – как и авторы используемого им сценария становления демократии (ее он называет обществом, порядками открытого доступа – Open Access Orders) из определения демократии близкого к определениям Даля и Тилли. Перечисляя пять характеристик своего общества «открытого доступа», он практически повторяет упомянутые выше критерии [Тилли, 2007], добавляя лишь одну важную характеристику – следствие правовой демократии – (возможность) неперсонифицированного обмена.

Отдельно Норт и его соавторы упоминают монополию государства при «open access» на насилие (очевидно самооборону, 2-ю поправку о праве на ношение оружия, «гражданский арест» и иные важные для защиты прав и достоинства личности явления и институты авторы не считают ключевыми).

В настоящей работе мы предпримем попытку немного приблизить модели и формальный анализ к реальным историческим прототипам.

С точки зрения авторов и, соответственно в рамках данной работы, под демократией будет пониматься политическое устройство с конкуренцией политических сил (кандидатов и партий), которое, в сочетании с конкуренцией средств массовой информации⁷, религиозных и культурных групп, обеспечивает ограничение власти, какую бы коалицию она не представляла.

Прежде всего, мы рассмотрим примеры конкуренции «бандитов» и ее последствия для институтов авторитарной власти. Иными словами, попробуем поставить под сомнение предположение Дая о том, что в наше время закрыт, исчерпан эволюционный путь становления институтов, ограничивающих власть (конституционного строя) в результате устойчивого и/или воспроизводящегося раскола элиты. Раскола, который подталкивает игроков при определенных условиях искать договорной выход из ситуации, дабы избежать издержек неопределенно длительного продолжения конфликта.

«Административная конкуренция» в современной России

Модели "административных войн" в российских регионах

Кроме конкуренции на выборах, институт которых в России в целом ряде регионов оставлял желать лучшего даже в 90-е, а начиная с середины 2000-х последовательно ликвидировался по всей стране, в России все время существовала и сейчас существует своеобразная административная конкуренция – конкуренция различных административно-финансовых кланов. Эта конкуренция проявляется в борьбе за контроль над теми или иными должностями в системе власти, как связанными с выборами (например, пост главы муниципалитета, а до 2005 г. – и пост губернатора), так и не связанными с ними (посты чиновников, назначаемых федеральным центром – глав региональных УВД, ФСБ, следственных комитетов, прокуратуры, ГТРК, с 2005 г. – и губернаторов). Важен контроль или сопричастность и к деятельности филиалов различных государственных и квазигосударственных компаний.

⁷ Включая прессу оппозиционную власти – т.е. прессу, обвиняющую высшее руководство страны в аморальности, опасной для общества недееспособности или в совершении уголовно наказуемых преступлений и требует замены высшего руководства страны на этих основаниях.

Некоторое значение в системе принятия решений является и контроль над региональной «Единой Россией» - хотя полномочия регионального отделения являются, по сути, совещательными по отношению к всевластным центральным органам, но, тем не менее, иногда важен и этот «совещательный» голос, пренебрежение которым означает скандал. Иногда бывает интересен контроль над брендами даже прочих «системных партий» вроде КПРФ, ЛДПР или «Справедливой России» - либо как источник ресурса для участия в выборах (минимум половина мест в региональных парламентах, а иногда и до 100% мест в парламентах и муниципалитетах могут распределяться по партийным спискам, что означает невозможность иного участия в выборах, кроме как через отделения «системных партий»), либо как отсутствие такого ресурса для конкурентов.

Как показали исследования Gaidar Institute for Economic Policy (IEP) начала и середины нулевых, наличие или отсутствие в регионе административной конкуренции напрямую не влияет на экономический рост. Однако на экономический рост положительно влияет наличие свободных СМИ (заметно в начале нулевых, чуть менее значимо в середине нулевых). Российские телеканалы с общественно-политическим контентом и подавляющее большинство печатных СМИ с общественно-политическим контентом убыточны, так как традиция просмотра платных каналов не сформировалась, а пресса стоит значительно дешевле, чем это необходимо для самоокупаемости (российские общественно-политические газеты стоят 50-60 центов, в то время как в развитых странах – минимум несколько долларов или евро). Но, даже если бы они были и прибыльны, для частного бизнеса их содержание представляет собой значительные риски. В подавляющем большинстве регионов, где существуют конкурентные СМИ, они принадлежат конкурирующим административным кланам. Наиболее распространенной является ситуация, когда один медиа-холдинг принадлежал мэру и его близким, а другой – губернатору и его близким (например, Екатеринбург, Самара, Саратов, Дагестан и др., до 2008 г. – Ставрополь, до 2009 г. – Челябинск) При этом, в принадлежащем мэру медиа-холдинге можно прочитать правду про губернатора, а в принадлежащем губернатору – про мэра, в сумме как гражданин-избиратель, так и предприниматель-инвестор получают

необходимую информацию для принятия решений. Менее распространена ситуация, когда СМИ с альтернативной губернаторской точкой зрения могут принадлежать крупному бизнесу, находящемуся на территории региона (например, Красноярск или Липецк). Возможное прекращение публичного противостояния между губернатором и мэром резко отрицательно сказывается на свободе СМИ в целом и на доступе граждан к информации (например, подобная ситуация произошла после примирения губернатора Свердловской области Э.Россея с мэром Екатеринбурга А.Чернецким в середине нулевых или после разгрома федеральным правительством группы бывшего мэра Ставрополя Д.Кузьмина в 2008 г. в Ставропольском крае).

Конкуренция между различными влиятельными административными группами создает хорошую обстановку и для «малых партий», для общественных организаций, а ее прекращение сказывается крайне негативно. В качестве примера можно привести ситуацию 2006-2007 г. в Кировской области, когда крупный предприниматель О. Валенчук боролся за влияние с губернатором Н.Шаклеиным. Валенчук сумел провести в региональную легислатуру сразу несколько оппозиционных губернатору фракций – ЛДПР, «Пенсионеров России» и Аграрной партии, а также ряд независимых депутатов-одномандатников. Однако, впоследствии, Валенчук обменял влияние в оппозиционных структурах на место руководителя региональной «Единой России», и независимая общественная активность в регионе угасла.

Чеченский случай

Можно говорить о положительном значении конкуренции даже в таком российском регионе, где крайние формы власти опирающейся на насилие существуют уже два десятка лет – в Чечне. В 1991 г. там произошел вооруженный мятеж против федерального правительства, которое из-за своей слабости оно не смогло подавить, и в октябре 1991 г. были избраны «президент Ичкерии⁸» и «парламент Ичкерии», существовавшие вне правового поля России. Впрочем, Конституция Ичкерии была практически полностью переписана с российской и провозглашала ее светским демократическим государством с разделением властей, парламентом и Конституционным судом.

⁸ Название Чечни, употребляемое сепаратистами в 1991-2006 гг.

Новый режим, в руководящих органах которого оказалось немало уголовников, особо не скрывал, что планировал жить за счет грабежа соседних территорий, а также изгнания и экспроприации русского населения республики. Тем не менее, даже в столь экзотических условиях в течении двух лет в «Ичкерии» существовала специфическая демократическая этнократия, лишенная проявлений насилия по отношению к чеченскому населению (так, за эти годы не был убит ни один из каких-либо известных «ичкерийских политиков», чего нельзя сказать о последующем). После того, как в июне 1993 г. «президент Ичкерии» Д. Дудаев, вопреки Конституции Ичкерии, распустил парламент и Конституционный суд, тем самым узурпировав власть, произошло резкое одичание «ичкерийского» режима – террор теперь распространился и на чеченское население, именно в это время на площадях Грозного стали публично рубить головы и т.п. В конце 1994 г. начались боевые действия федеральных войск против «Ичкерии», однако в августе 1996 г. власть в республике после захвата г. Грозного и разгрома группировки федеральных войск в нем фактически вернулась к сепаратистам.

В январе - феврале 1997 г. были проведены ещё одни выборы Президента и парламента «Ичкерии». Аслан Масхадов, начальник Генерального штаба Ичкерии был избран президентом Чечни в январе 1997 года. Масхадов набрал 59,3% голосов. Его основные соперники Шамиль Басаев и и.о. президента Ичкерии Зелимхан Яндарбиев получили соответственно 23,5% и 10,1%. Впрочем, правительству Масхадова не удалось централизовать власть - реальной властью на местах по-прежнему обладали полевые командиры, большая часть которых не собиралась разоружаться и подчиняется правительству. Практически в каждом районе республики отряды боевиков сохранили свои структуры - штабы, военные базы, службы безопасности, тюрьмы, «джамааты». Стало очевидно, что пост президента в «Ичкерии» мало что значит, а реальная власть принадлежит вооруженным формированиям, контролирующим конкретные районы. Тем не менее, плюрализм мнений поддерживался – большинство глав вооруженных формирований обзавелись собственными кабельными телеканалами.

В августе 1999 г. руководство «Ичкерии» напало на территорию, контролируемую российским правительством – Дагестан, что вызвало ответный

удар и возобновление войны. К февралю 2000 г. все населенные пункты Чечни были взяты под контроль российскими войсками, часть лидеров сепаратистов во главе с муфтием Чечни А. Кадыровым перешли на сторону российских властей (осенью 2000 г. Кадыров был назначен Указом В. Путина «главой администрации Чеченской Республики»). При этом, фактически вся инфраструктура республики была разрушена.

Летом 2000 г. были проведены довыборы в ГосДуму от Чечни (они должны были пройти в декабре 1999 г., но в это время бои были в разгаре). Оказалось, что полностью разрушенная инфраструктура не мешает проведению практически свободных выборов: за бывшего народного депутата РСФСР А.Аслаханова проголосовали 30% избирателей, 20% - за лидера одного из религиозных кланов Шамалу Дениева, еще трое кандидатов - тогдашний ректор Чеченского пединститута Б.Хасбулатов; лидер республиканского «Единства» и друг тогдашнего мэра Грозного Б.Гантамирова Л.Магомадов, председатель комитета по делам молодежи Х.-А.Арсанов получили по 7-10% голосов. Жалоб по итогам выборов отмечено не было – всего через несколько лет здесь начнутся голосования с результатами в 90-100%.

В 2000-2003 г., до проведения фактически безальтернативных выборов главой Чечни Кадырова (будто бы более 80% при явке якобы 86,8%), в Чечне существовал полиархический режим, основными центрами которого, кроме самого Кадырова, были назначаемые Москвой отдельно премьер-министр Чечни, мэр Грозного и главы администраций районов, руководители различных силовых структур (МВД Чечни, ФСБ, ОРБ-2 МВД, «Объединенной группировкой войск» - в основном, 58-й армией Министерства обороны, легализованные под видом формирований Минобороны и ФСБ частные армии семьи Ямадаевых, С.-М.Какиева, М.Байсарова и др. Каждое из этих формирований обвинялось в нарушении прав человека, но тем не менее, жители Чечни могли выбирать, на какой «подведомственной» территории им находиться, в республике были независимые от Кадырова СМИ. Часто проводились массовые акции протеста (как правило, с требованием вернуть похищенных людей).

К 2003 г. А.Кадыров устранил из республики практически всех легальных оппонентов, сконцентрировал у себя право финансовой подписи и

кадровых назначений на территории Чечни. В ходе избирательной кампании было закрыто симпатизировавшее Б.Гантамирову грозненское телевидение и газеты.

Сформировался авторитарный режим, опирающийся на российские войска, с одной стороны, и на собственные вооруженные отряды. После гибели А.Кадырова в 2004 г. власть перешла к его сыну Р.Кадырову, который, фактически, распространил юрисдикцию своего режима не только на территорию Чечни, но и стал претендовать на контроль над всей российской чеченской диаспорой. Проведение федеральных выборов 2007-2008 г. вылилось в Чечне в откровенный фарс с советскими результатами вроде «99,9%».

К 2006 г. Р. Кадыров сумел избавиться от всех политических оппонентов в Чечне, кроме семейства Ямадаевых, действовавших до конца 2008 г. под брендом «батальона Восток Министерства обороны РФ». С того же 2006 г. по России и за рубежом начались убийства различных критиков Р.Кадырова. В 2008-2009 г. были убиты самые влиятельные из семейства Ямадаевых, братья Руслан и Сулим, которые, кстати, контролировали последний независимый от Кадырова частный кабельный канал (последняя независимая от Кадырова газета была закрыта еще в 2006 г., с уходом номинального «президента Чечни 2004-2006 г.» А. Алханова, рассматривавшего возможность независимой политической карьеры, но так на нее и не решившегося). В 2009 г. же, после убийства Н.Эстемировой, в Чечне прекратила деятельность последняя независимая общественная организация – «Мемориал». По иронии судьбы, чеченский «Мемориал» стремился сосредоточиться на критике нарушений прав человека со стороны российских военных, а также конкурентов Кадырова – семейства Ямадаевых, но его деятельность была прекращена лишь тогда, когда Кадыров устранил всех легальных оппонентов в Чечне.

Российские власти любят говорить о безальтернативности кадыровского тоталитарного режима в Чечне, за время существования которого, кстати, проблема терроризма не только не решилась, но и перекинулась на соседние регионы. Однако, можно отметить, что за последние два десятилетия – как во времена «Ичкерии», так и под российским контролем на территории Чечни существовала благотворно влияющая на институты административная

конкуренция, в отдельные моменты (лето 2000 г.) даже приобретающая характер цивилизованной политической конкуренции.

Подъем и упадок тоталитарной экономики СССР

М.Олсон предложил следующее объяснение относительной эффективности сталинистской модели экономики⁹. Регулярные и массовые репрессии ослабили группы специальных интересов и обеспечивали прозрачность системы управления для самого диктатора. Таким образом, СССР функционировал как огромная частная фирма с единственным собственником. Олсон, однако, не отвечает на вопрос – почему преемники диктатора отказались от столь эффективной модели.

Вероятно, сталинистская элита предъявила очень сильный спрос на личную безопасность и неприкосновенность личности, что и объясняет быстрый отход от модели Сталина. Большинство членов коммунистического руководства после смерти Сталина быстро сплотилось против фигуры, казавшейся наиболее очевидным носителем персональных угроз для всех остальных. То есть продолжателем эффективных сталинских методов. Однако все последовавшие за ликвидацией Л.П.Берии столкновения за власть в партийной элите не заканчивались физическим уничтожением побежденного. Причем, очевидно, не из каких-то моральных соображений, но из опасения произвести на всех сильных игроков такое впечатление, которое производил Берия на членов "осиротевшего" Политбюро. То есть из опасения стимулировать этих игроков сплотиться в новую коалицию для самозащиты.

Вернемся, однако, к классическим случаям прямой вооруженной конфронтации коалиций бандитов. Борьба против безусловного доминирования одного бандита коалицией пострадавших от его произвола богатых и сильных игроков была совершенно рутинным делом в Европе времен Средневековья, Возрождения и позднее. Могла ли она привести к становлению институтов,

⁹ Olson, M., "Power and Prosperity", New York "Basic Books", 2000 pp. 100, 129

универсально и постоянно ограничивающих власть в пользу личности? В упомянутой выше статье [Яновский, Жаворонков, Затковецкий, 2007] рассматривалась модель и стратегии "бандитов" при меняющемся соотношении сил. Для рассмотренных там ситуаций неравновесия было показано, что бандиты могут быть сами заинтересованы в применении демократических механизмов для укрепления контроля над населением. При этом уровень насилия растет, законности снижается. Однако там же отмечалось, что в случае равновесия сил у бандитов может возникнуть стимул договариваться об ограничении насилия.

Модель генерации «общественного договора»

В упомянутой выше работе (Yanovskiy, Zhavoronkov, Zatskovetsky, 2014) мы рассматривали случай равновесия сил соперничающих олсоновских "бандитов" (или их коалиций).

Введем в модель наряду с этими двумя игроками каждый из которых обладает значительными ресурсами, массу других потенциальных участников коалиций. Ресурсы каждого из них несопоставимо малы по сравнению с ресурсами двух претендентов на власть. Однако совокупные ресурсы больше чем у обоих вместе взятых¹⁰.

Если каким-то образом из двух сильных игроков остается один, эти «третьи» игроки, не тратят сколько-нибудь значительные ресурсы на самозащиту. Каждый из них слишком слаб, а издержки на координацию (C) могут быть сопоставимы со всем их имуществом.

Стремясь ограничить свои расходы на противостояние, два основных игрока (две коалиции олсоновских бандитов) заключают договор, который наделяет всех, в т.ч. третьих игроков определенными привилегиями (правами) и заинтересовывает выступить в защиту договора против любого нарушителя. Условия договора фактически налагают значимые ограничения на любую действующую власть.

Если кроме договора существуют еще некоторые дополнительные механизмы координации действий мелких игроков, то при нарушении

¹⁰ Как при существовании слоя свободных и вооруженных крестьян или горожан во многих странах средневековой Европы. Потенциальным участником коалиции третьей силы могли быть и феодалы не связанные с основными соперничающими "игроками".

равновесия сил между двумя сильными игроками они быстро объединяются. Так появляется третий мощный игрок неспособный к самостоятельной атаке но способный в союзе с любым из двух игроков составить выигрывающую коалицию.

Тогда даже если рано или поздно баланс нарушается, но существует некая достаточно высокая вероятность консолидации мелких игроков в альянс со слабым игроком. Этот альянс предотвращает монополию сильнейшего и потерю прав по договору так и всего имущества. В такой ситуации часть имущества мелких участников коалиции есть смысл потратить на оборону. При этом:

1. Большая часть потенциальных участников коалиции вполне готовы рисковать¹¹ (являются Risk lover or risk neutral).

2. Широко известны примеры, когда сильный бандит проигрывал (в силу недоучета мобилизации врагов, в силу соперничества с церковью – пример папы ... и Германского императора)

3. Потенциальные участники 3-й коалиции Free, able to purchase necessary weapon and munitions (owes)

4. Payoffs menu: to be killed, wounded, captured; just to survive; to win social statute advancement, promotion (if current statute not perceived as attractive = $U_{current}$ close to 0, даже относительно повышение статуса формальное - титул, почет, материальные выгоды от повышенного статуса - даже с небольшой вероятностью при игнорировании риска как такового дает положительное математическое ожидание).

Почет в случае успеха у защитника старинных вольностей может быть бОльшим нежели у солдата короля (главного бандита). Изменяемые параметры – индивидуальный коэффициент дисконтирования определяющий личную полезность от успеха защиты от нарушения договора (полезность долговременная для детей и внуков). А также – отношение к риску – при прочих risk-lover более склонен присоединиться к слабому бандиту из соображения buy cheap

¹¹ На данном этапе примем склонность к риску за некую константу, оцениваемую в целом в обществе как долю безработной молодежи (мужчин). Если сделать допущение о том, что они останутся дома или присоединяться к бандитам более или менее сбалансировано или же в зависимости от информации об успехах сторон, то в нашем анализе можно этот показатель зафиксировать как константу. Хотя в ситуации когда роль бандита – координатора исполняет внешняя сила он становится важным или даже решающим.

5. Важно отметить, что в обычной ситуации "вольные стрелки" и полевые командиры перебегают к сильному, а не наоборот. Пример войн в Афганистане после ухода советской армии. Поэтому надо учитывать альтернативные выигрыши. То есть повышение статуса и материальное вознаграждение с сопоставимой или даже большей вероятностью чем при присоединении к слабому бандиту.

6. В истории есть немало примеров того, как такая схема реализовывалась и приводила к долгосрочному stalemate

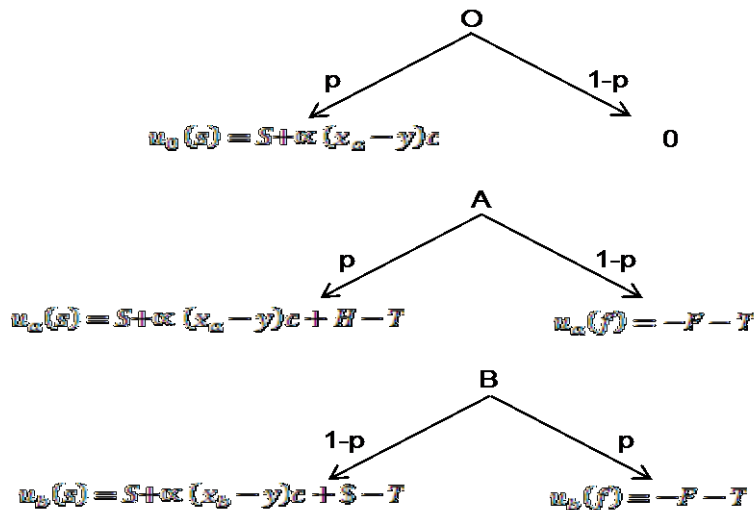
7. При индивидуальном выборе свободного вооруженного игрока присоединиться ли в качестве "3-го игрока" к коалиции выступившей против нарушителя конвенции, исходим из того что он осведомлен что кто-то уже выступил и решает проблему не "выступить первым" а именно присоединиться или нет к тому кто уже выступил.

Такой индивид также уже проинформирован о факте нарушения конвенции (незаконном аресте или казни) и понимает опасность для себя и своих потомков, хотя оценивает ее с дисконтом.

8. Коэффициент дисконтирования отчасти связан с инстинктом заботы о детях. И это постоянная компонента. Но отчасти связан с текущим состоянием институтов, экономики, статуса данной семьи (формального, дохода, запаса собственности, "психологической удаленности" от известных жертв нарушения конвенции и т.д.) то есть он как раз – главный объект анализа в дальнейшем.

9. Склонность присоединения к воющим сторонам (особенно к оппозиции) может быть соответственно обусловлена надеждой одним рискованным ходом получить максимальный выигрыш. Она убывает с возрастом. Зато с возрастом (точнее с появлением семьи, детей), а также по мере роста имущества которое можно передать по наследству появляется и усиливается мотивация оградить свою семью и свое имущество от произвола нарушителя конвенции. Соответственно вероятность передачи имущества по наследству следующему поколению становится ключевым параметром.

In our model each individual has 3 alternatives: to stay at home (0), to support the "ancient liberties", AL (a) or the "convention violator" (king, dictator, stationary or Roving bandit) (b).

(f-failure, s-success)

Variables:

$u_{a,b,0}(s)$ -benefits level when the person's group succeeds.

$U_{0,a,b}$ - the expected value of the benefits at each decision.

S - Initial capital

$\$$ - benefit of joining the "dictator's" (convention which limited rulers' power violator) group.

H -the value of bonus for participation in political action on the AL side (contains honor (especially relevant for small communities), career opportunities etc.)

α - the material value which individual attaches to improvement in political regime/citizen rights.

p - Probability that group a will succeed (doesn't depend on individual's choice!)

x_a and x_b -probabilities to successfully transfer the property rights to next generations at each regime where y is the currently existing probability, serve as an indicator of regime quality.

$c=1$ +number of children.

$(x_{a,b}-y)$ - Measures the extent (may be positive or negative) of change in regime.

F- Penalty for losers. It depends on initial capital and on the number of children.

$$(F=\beta*S+\mu C)$$

T- Cost of participation in political action (time, money etc)

$$U_0 = p(S+\alpha (x_a - y)c$$

The individual that decides to stay at home doesn't pay any cost and in the case when democratic group wins (with probability p), saves his property and benefits from improvement in political regime with his children. Otherwise he has zero benefit. (In addition to the property lose, there is also may be a negative influence of regime quality deterioration)

$$U_a = p(S+\alpha (x_a - y)c + H) - (1 - p)F - T$$

The individual that takes a part in political action on AL side saves his property, benefits from political regime improvement and H with probability p. On the other hand he is paying a cost of participation (T) and may be penalized if his team will lose.

$$U_b = (1 - p)(S+\alpha (x_b - y)c + \$) - pF - T$$

The individual that acts on dictators side will save his property and benefit from \$ but will also have a negative influence of regime quality deterioration if his group wins. He has the same costs: cost of participation and probability to be penalized.

$$p \geq \frac{u_b(s)+F+T}{u_a(s)+u_b(s)+2(F+T)} \Rightarrow U_a \geq U_b$$

$p \geq \frac{F+T}{F+H} \Rightarrow U_a \geq U_0$ (If $H \leq T$ the person will decide to stay home in every case)

$$p \leq \frac{u_b}{u_b(s)+u_o(s)+F+T} \Rightarrow U_b \geq U_0$$

If $U_a \geq U_b$ and $U_a \geq U_0$ the risk neutral person will decide to support the A group.

If $U_b \geq U_a$ and $U_b \geq U_0$ the risk neutral person will decide to support the B group.

If $U_0 \geq U_b$ and $U_0 \geq U_a$ the risk neutral person will decide to support the 0 group.

Ситуация, которая может быть описана данной моделью более или менее регулярно воспроизводилась в Англии, Швеции, Дании, Швейцарии и в ряде других случаев. Вооруженная борьба дворян и купцов Нидерландов против короля Испании привела к становлению первого по времени режима с устойчивыми конституционными ограничениями, наложенными на власть. Это событие оказало впоследствии воздействие и на становление такого режима в Англии ("Славная революция" 1688 г. с приглашением Вильгельма Оранского).

Historical statistics test Case for the Hypothesis?

Data

Для проверки гипотезы о пониженном спросе избирателей – клиентов бюджета (или лидера) на демократические институты мы используем наши оценки состояния политических институтов в разных странах в период 1811-2011.

Оценки основаны на подтверждении эксперта – историка наличия или отсутствия свободно действовавших оппозиционных СМИ, проигрышей власти в суде с подчинением судебному решению и случаев ухода правящей группы в оппозицию в результате выборов. При наличии "1"

Замена игрока

Рассмотрим вполне распространенную в отсталых странах ситуацию. Львиную долю ресурсов, включая военные, контролируют немногочисленные армии конкурирующих "бандитов". Это значит, что возможности консолидации мощного третьего игрока, способного предотвращать нарушение баланса не существует.

Другая ситуация. Слой свободных собственников располагающих возможностью приобрести оружия существует. Однако, по той или иной причине не сформировалась коалиция мятежных баронов "в защиту старинных вольностей". Это автоматически делает издержки координации действий множества рядовых участников ("распределенного третьего игрока") заведомо запретительно высокими. То есть если не появится коалиция мятежных аристократов, чьи издержки организации коллективных действий относительно невелики, выступление снизу становится крайне маловероятным.

Зато существует стимул к иностранному вмешательству - для предотвращения террористической угрозы со стороны "рухнувших государств" на чьей территории хозяйничают такого рода бандиты (Сомали, Эритрея, Афганистан, отчасти – Йемен) и где приход мощной финансово иностранной армии, "банды" может приветствоваться одной из коалиций крупных бандитов заметной частью малых "игроков".

Угроза сплочения против чужака реальна, если чужак не выглядит достаточно сильным и решительным. Если продолжать наказывать офицеров за «избыточное применение силы», стимулировать взаимное доносительство как двигатель карьеры и т.п. (см. ..., 2013), такой вариант действительно неприменим.

Если все игроки знают, что внешняя сила непреклонна, стимул противостоять ей подрывается. Кроме того, речь идет о случае отсутствия слоя «мелких свободных вооруженных собственников». Мнение же «полевых командиров», как показывает опыт Афганистана в том числе 2001 года – чрезвычайно гибко и является функцией мощи и решимости сил вторжения.

Опыт «разделяй и властвуй» - то есть игра на противоречиях между игроками практиковалась вплоть до XX века Британской империей. Однако никогда всерьез задача подготовки местного населения к самоуправлению в течение неопределенно длительного (хотя в принципе конечного) периода английскими властями не ставилась. Население либо было готово к самоуправлению (по модели Асем-оглу Асем-oglu, ... 2001 – в силу отсутствия болезней выкашивающих население европейского происхождения, более или менее готового к самоуправлению и без специальных мер). Либо не было готово.

Мандаты Лиги Наций¹² в некоторых случаях напрямую обязывали державу, получающую мандат на управление территорией, подготовить население к самоуправлению. Результаты оказались более чем скромными и слабо отличались от обычных колоний. Если же сравнивать качество самоуправления подмандатных территорий с английскими доминионами XIX

¹² Под управление Великобритании и Франции были переданы бывшие колонии побежденной в I Мировой Войне Германии и часть территорий утраченных Турецкой империей. Смотри, к примеру [Lansing,... 2003] Chapter XIII "The System of Mandates"

века, сравнение, конечно, будет не в пользу первых. Как правило, власть просто передавалась местным лидерам способным осуществлять контроль над территорией. Там где население было готово к какой-то форме самоуправления – там оно и возникло (Израиль – на отвоеванной части подмандатной Палестины). Самым близким к модели генерации правовой демократии на основе долгосрочной конкуренции "бандитов" примером является Ливан. Страна была под французским мандатом. Население и элита расколота по религиозному признаку на несколько крупных христианских общин, мусульман – суннитов и шиитов. Есть также заметная община друзов. Однако при объяснении временных успехов в самоуправлении в Ливане нельзя отбросить версию о том, что христианское население было изначально к нему готово. Французская администрация опиралась на крупнейшую из христианских общин – маронитов. Однако как только в независимом Ливане христианское большинство растаяло¹³ вместе с решимостью этой общины силой защищать свой статус, страна погрузилась в хаос.

Окончательный исход этого противостояния в Ливане был связан с односторонним отказом от своих обязательств перед христианскими партнерами правительства Израиля в 2000-м году. Наличие внешнего арбитра, способного превосходящей военной силой вмешаться в конфликт с минимальными для себя издержками в данном случае, очевидно, неоднократно стабилизировало ситуацию. Однако требуется, очевидно, исторически весьма продолжительный период, чтобы такое равновесие "сгенерировало" бы устойчивые без внешней поддержки институты. Версия о том, что свободная страна может, вмешиваясь в целях обеспечения собственной безопасности в дела страны с рухнувшим государством, поддерживать там приемлемый и для себя и для жителей этой страны баланс сил до укоренения там институтов ограниченной, конституционной власти также не может быть отброшена. Однако высокие издержки такого вмешательства отчасти объясняют дефицит воли к осуществлению таких проектов.

¹³ С 54,7% в 1956-м до 43,8% в 1995-м см. [Pacini, ... 1998] p. 59 (Table 2.1.); p. 61 (Table 2.2.).

В пользу этой же версии работает факт заметного влияния ведущих западных держав – гарантов по кредитам СССР в 1986-1991 гг. на внутреннюю политику властей [Gaidar, 2007]. Умеренного давления оказалось достаточным для того, чтобы предотвратить применение силы против оппозиции в своей стране и в странах советского блока последним коммунистическим правительством. То есть при определенных обстоятельствах (глубокий экономический кризис) внешнее давление оказывается эффективным для уравнивания сил даже внутри мощнейшей в военном отношении империи.

Выводы

Мы не обладаем надежными подтверждениями гипотезы о возможности выстраивания конституционного договора как результата долговременного (воспроизводящегося) конфликта внутри элиты в наши дни. Однако предположение о наличии и значимости стимулов ограничения власти при таком конфликте представляется нам обоснованным. В наше время наблюдаемы минимум, отдельные проявления (конкуренция на медиа-рынке, реальная политическая конкуренция на выборах) политико-правовых ограничений власти обусловленные таким конфликтом. Даже в условиях отсутствия глубокого раскола в элите колониальным властям (в Индии) или оккупационным (в Японии, Германии) удавалось навязывать определенные институты, в том числе, обеспечивающие смену власти в результате выборов и медиа-конкуренцию.

По всей видимости, не могут быть отброшены гипотезы о том, что:

- экспорт институтов правовой демократии при наличии долгосрочного раскола элиты облегчается;

- при наличии феномена воспроизводства равных по силе коалиций, борющихся за монопольную власть с применением насилия "прорастание" таких институтов как устойчивого равновесного решения конфликта (хотя и в весьма долгосрочной перспективе) возможно и без целенаправленных усилий по экспорту. Шансы на такой сценарий существенно возрастают при наличии

хотя бы потенциальной "третьей" стороны, не вовлеченной в конфликт, заинтересованной в сохранении баланса и способной изменить соответствующим образом соотношение сил в случае, если баланс нарушился.

Такой долгосрочный подход к поддержке старыми демократиями демократических институтов в Ираке¹⁴ был бы, как представляется, куда менее искусственным, нежели выбранная руководством США стратегия.

Источники

1. Gaidar Yegor "Collapse of an Empire: Lessons for Modern Russia" Brookings Institution Press October 17, 2007
2. Dahl R., "On Democracy" Yale University Press, 2000
3. Мельянцев В.А. «Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность» М.: МГУ, 1996
4. Tilly Charles "Democracy" Cambridge University Press, 2007
5. К.Яновский, С.Жаворонков, И.Затковецкий «Демократия, как средство тушения пожара» // «Общественные науки и современность» №2 2007 сс. 47-58
6. Acemoglu D., Johnson S, Robinson J “The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation “ ,American Economic Review, December 2001 volume 91, pp. 1369-1401
7. Acemoglu D., Robinson J.A. “Economic Origins of Dictatorship and Democracy”, Cambridge University Press, 2006
8. Bishop, D.T., Cannings, C., Maynard Smith, J. “The war of attrition with random rewards” // Journal of Theoretical Biology 74:377-389 (1978)
9. Congleton Roger D. "Perfecting Parliament" Cambridge University Press. Kindle Edition. 2011
10. Dahl Robert A. "Polyarchy: Participation and Opposition" Yale University Press 1972
11. Lansing Robert "The Peace Negotiations" December 13, 2003 [eBook #10444] <http://www.gutenberg.org/files/10444/10444-8.txt>
12. Maynard Smith, J. (1974) Theory of games and the evolution of animal contests. Journal of Theoretical Biology 47: 209-221

¹⁴ В принципе, при наличии ресурсов и политической воли, подобный подход мог бы ограничивать насилие и в других странах, с глубоким расколом населения и элиты. На территории бывшего СССР наиболее очевидным примером выглядит Киргизия.

13. North D.C. "Institutions, institutional changes and economic performance", Cambridge University Press, 1990 (по переизданию 1998).
14. North, Douglass C. Understanding the Process of Economic Change Princeton University Press, 2005
15. North, Douglass, C.Wallis J.J., Weingast B.R., "Violence and Social Order" Cambridge University Press, 2009
16. Olson M. Power and Prosperity. New York: Basic Books, 2000
17. Pacini A. (ed.) "Christian Communities in the Arab Middle East. The Challenge of the Future" Clarendon Press, Oxford, 1998
18. Przeworski A., Alvarez M.E, Cheibub J.A., Limongi F. "Democracy and Development. Political Institutions and Well-Being in the World 1950–2000" Cambridge University Press, 2000.
19. Smith, Maynard J. (1974) Theory of games and the evolution of animal contests. *Journal of Theoretical Biology* 47: 209-221